

Опочинин Евгений Николаевич

Из тьмы веков

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Николаевич О.**
Из тьмы веков / Опочинин Евгений Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
106 с.

ISBN 978-5-521-26371-4

ISBN 978-5-521-26371-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

съ великой ватагой скомороховъ веселый Суббота Осетръ, тотъ самый, что на Софійской сторонѣ, въ земщинѣ, билъ нещадно и травилъ медвѣдемъ дьяка Данилу Бартенева. На многихъ подводахъ, каждая о дву-конь ¹⁴⁾, ѣхалъ Суббота со своими людьми, и вмѣстѣ съ ними, на ропускахъ, важно развалившись, словно родовитые бояре, сидѣли медвѣди. Такъ ѣхалъ Суббота Осетръ, а напередъ его бѣжали слухи о его кромѣшныхъ ¹⁵⁾ дѣлахъ, и звали его въ народѣ кромѣшникомъ и сыроядцемъ ¹⁶⁾...

Дѣло было поздно ввечеру, когда прямо съ дороги Суббота былъ отведенъ въ великую палату, гдѣ въ это время пировалъ съ ближними людьми царь Иванъ Васильевичъ. Онъ сидѣлъ на высокомъ столѣцѣ, ¹⁷⁾ а кругомъ великаго стола, съ ковшами и чарами въ рукахъ, тѣшились бояре и опричня. Отъ многосвѣщнаго золотого паникадила, свѣшаннаго на цѣпяхъ съ потолка, было свѣтло какъ днемъ. Среди палаты бились двое мужиковъ, и царь не отрывалъ отъ нихъ горящаго взора своихъ орлиныхъ очей...

Аюонька Вяземскій ¹⁸⁾ ввелъ къ царю новгородскаго вожака медвѣдей и скомороховъ. Онъ поставилъ его у входа, а самъ пошелъ и сѣлъ за столомъ на лавку.

Вотъ царь, видно натѣшившись, махнулъ рукой бойцамъ, и они проворно выбѣжали изъ палаты. Взоръ Ивана Васильевича скользнулъ по пирующимъ и перешелъ на Субботу. Тотъ рухнулъ на колѣни и земно ударилъ челомъ ¹⁹⁾ и разъ, и другой, и третій. Въ послѣдній разъ онъ припалъ къ землѣ и въ ожиданіи царскаго слова не поднималъ головы.

— Поднимите его! — услыхалъ скоморохъ тихій, шелестящій голосъ.

Страшный ударъ въ бокъ чьей-то ноги заставилъ наскоро вскинуться Субботу. Онъ поднялся и съ уди-

вленіемъ осмотрѣлся: прямо передъ нимъ стоялъ молодецъ писаной красоты, въ парчевомъ распашнѣ ²⁰⁾ съ алмазными пуговицами. Уперевъ руки въ бока, онъ смотрѣлъ на него, какъ на пса, забѣжавшаго въ неугожее ²¹⁾ мѣсто.

Въ то же время злой скрипучій смѣхъ послышался съ высокаго столца. Царь откинулъ голову назадъ, и острая сѣдая борода его тряслась, и сверкали каменья на островерхой шапкѣ.

Дружнымъ громкимъ смѣхомъ отвѣтно грянула на смѣхъ Ивана Васильевича вся палата, а самъ милостивецъ и добродѣй скомороха, князь Аѳанасій Ивановичъ Вяземскій, закатывался пуще всѣхъ.

— Кто еси ты, человѣче?—все еще смѣясь, обратился царь къ Субботѣ.—Какой земли и по-что прибылъ?

Новгородецъ опять упалъ на колѣни, но не билъ челомъ, опасливо посматривая на стоящаго рядомъ молодца. Тотъ тоже смотрѣлъ на него и улыбался.

Вяземскій подошелъ къ царскому столцу, ударилъ челомъ и сталъ что-то тихо сказывать царю. Иванъ Васильевичъ слушалъ, пристально глядя на Субботу, а потомъ, указывая на него посохомъ, что-то молвилъ. Тогда Аѳонька приблизился къ скомороху и съ поклономъ сказалъ ему громко, на всю палату:

— Суббота-ста! Указалъ тебѣ великій царь тѣшить его милость весельемъ скоморошнымъ со игрецы и медвѣди!

Обрадовался скоморохъ, заторопился. Онъ зналъ,— всего можно было ждать отъ Грознаго царя: можно было, на мѣсто потѣхи, угодить въ яму ²²⁾, а то и хуже.— Бросился онъ на крыльцо, оттуда къ своей ватагѣ, и черезъ малое время вернулся съ нею вмѣстѣ. И ввалилась въ просторную палату скоморошья челядь. Заскакали тонконогія козы, зазвенѣли гусельныя струны

подъ перстами слѣпцовъ, заиграли гудки и сопелки, и подъ гусельный звонъ заплясали съ ревомъ грузные медвѣди. Ходуномъ заходили на столъ чеканные кубки и братины²³⁾...

Что дальше, то больше разгоралась потѣха. По знаку поводырей, начали звѣри бороться и тягаться одинъ съ другимъ, а потомъ и съ людьми. Откуда ни возьмись, явились два дюжіе мужика въ красныхъ рубахахъ и схватились съ самымъ большимъ медвѣдемъ. Они легко одолѣли его и разъ и другой—звѣрь поддавался. Но вотъ, падая, онъ задѣлъ головой за уголь изразчатой печи и разозлился. Не успѣлъ подбѣжать поводырь, какъ онъ ужъ подмывъ одного изъ борцовъ подъ себя, и черезъ малое время того замертво вынесли изъ палаты. А царь, не отрывая глазъ, любовался на потѣху и смѣялся, трясая своей острой бороδοю.

Но вотъ повелѣлъ онъ честить звѣрей пѣнникомъ и медомъ. Подали огромныя золоченыя братины. Брали ихъ медвѣди въ обѣ лапы и, сопя, выпивали однимъ духомъ, а выпивъ, становились предъ царемъ и кланялись земно. А тутъ премѣнили чередъ потѣхи: Суббота посадилъ самага большого медвѣдя за столъ на большое мѣсто и, по слову Грознаго, всѣ стали подходить къ нему, выпивали почестную²⁴⁾ чашу и кланялись звѣрю.

— Въ честь да во здравіе твоей милости!—говорили бояре и опричники съ поклономъ.

А звѣрь встряхивалъ косматой головой и ревѣлъ.

Поодаль ото всѣхъ сидѣлъ на пиру князь Данило Ивановичъ Челяднинъ. Онъ зналъ: держить гнѣвъ на него государь Иванъ Васильевичъ, и ждалъ себѣ бѣды,—только не вѣдалъ, откуда она придетъ.

Князь не пошелъ на поклонъ къ звѣрю. Было ему не до потѣхи: томила его тяжкая дума. Облокотив-

шись на столъ, сидѣлъ онъ и не видѣлъ, что творилось въ палатѣ. А кругомъ его сновали веселые люди: кто плясалъ, вздѣвши на себя бѣсовскую харю, кто кричалъ пѣсню, а кто и просто ходилъ въ прискокку. Не по одной чарѣ было выпито, и вино всѣхъ разбирало.

Вдругъ передъ княземъ всталъ Оедоръ Басмановъ.

— А ты что-же не идешь, княже? Аль не слышалъ государева указу? — нагло усмѣхаясь, спросилъ онъ Челяднина.

Ничего не сказалъ въ отвѣтъ Данило Ивановичъ, — только расправилъ сѣдую бороду, да смѣрлялъ обидчика взглядомъ строгихъ очей.

— Его милости невмѣстно бить челомъ! — на всю палату прошипѣлъ голосъ Іоанна, и было въ немъ столько злобы, что сразу всѣ затихли.

У всѣхъ захолонуло сердце.

— Боярская спина упряма, — угодливо сказалъ кто-то изъ опричниковъ, — ее нагибать надо. Сама передъ однимъ топоромъ гнется...

Поднялся Данило Ивановичъ съ мѣста, прошелъ палатой и сталъ передъ царемъ, покорно склонивъ сѣдую голову. Молніи гнѣва засверкали въ очахъ царя. Онъ высоко поднялъ посохъ, но, видно, опомнился и тутъ же опустилъ руку. А старый князь ударилъ ему челомъ и проговорилъ безстрашно, словно и не примѣтивъ грознаго взмаха:

— Смилуйся, пожалуй, великій государь! Не вели холопамъ твоимъ рушить моей чести. Ради службишекъ моихъ не отрини мое челобитье! Нашъ родъ Акиноовъ...

Страшная усмѣшка покривила губы Іоанна. Опять, словно сама собой, поднялась рука съ остроконечнымъ посохомъ и опять опустилась.

— Добро! — сказалъ онъ, тяжело дыша, почти за-

По слову Грозного, все стали подходить къ зѣбрю, выпивали почестную чашу и кланялись.

дыхаясь.—Знать, не нашему убожеству честить Акинѳовъ. Гдѣ ужъ намъ, бѣднымъ и скудоумнымъ! Благо ти, княже Данило Ивановичъ... Не кладу порухи ²⁵⁾ твоей чести, — не вмѣстно тебѣ быть у нашего стола, тѣшиться съ нами въ убогой моей избенкѣ. Ступай инъ въ свои великія хоромы. Разступись на стороны, смерды! Дорогу княжати Акинѳу!—Велій ²⁶⁾ бо есть царя и великаго князя всея Руси! — вдругъ крикнулъ царь и сѣлъ опять на свой столецъ и разсмѣялся страшнымъ смѣхомъ.

И вся палата загремѣла долго не стихавшимъ смѣхомъ.

Князь выслушалъ, не дрогнувъ. Онъ зналъ, что это конецъ, что смерть стоитъ у него за старыми плечами, но не сдался и не устранился.

Одна дума была у него въ головѣ: дадутъ ему уйти домой, или, какъ водилось, повершатъ тутъ же на дворѣ, не давъ проститься со своими? А дома ждалъ его любимый внучекъ, малый княжичъ Данилка...

Еще разъ истово ²⁷⁾ и неторопливо ударилъ челомъ до земли Данило Ивановичъ, потомъ поднялся и пошелъ изъ палаты, высоко поднявъ голову. Никто не заступилъ ему дорогу. Невозбранно вышелъ онъ и со двора, мимо пищальниковъ ²⁸⁾ и дозоровъ. Только двое изъ всѣхъ бывшихъ на пиру: Аѳонька Вяземскій да Ѳедоръ Басмановъ, проводили его до сѣней. Они низко кланялись и говорили:

— Здравъ буди, княже! Не оставь своей милостью насъ, твоихъ холопей!

По уходѣ Челяднина, Иванъ Васильевичъ подозвалъ къ себѣ Субботу Осетра и что-то ему молвилъ. И въ одинъ мигъ по палатѣ полетѣла вѣсть, что царь въ канунъ праздника Христова Рождества велитъ всѣмъ собираться и итти со славленьемъ и коледою къ боярину князю Данилѣ. Осетру сказано: брать съ собой

медвѣдей и скомороховъ, а опричникамъ быть въ ратномъ уборѣ ²⁹⁾...

И снова закипѣлъ пиръ. Всѣхъ охватило безудержное веселье. Самъ царь поднималъ чашу за чашей. Субботу Осетра съ медвѣдями выгнали вонъ—прискучила медвѣжья потѣха. Теперь ударили по струнамъ гуслиры, загремѣли пѣсни. Въ парчевомъ лѣтникѣ ³⁰⁾, изгибаясь дѣвичьимъ станомъ, Басмановъ плясалъ передъ царемъ.

Отдыхалъ народъ московскій: не звонилъ уныло великій колоколь, никого не вершили на площадяхъ. Кое-когда только грозной тучей проносилась по улицамъ опричнина, а о паѣздахъ было не слышно. Видно, не до нихъ было кромѣшнымъ царевымъ слугамъ: на «верху» ³¹⁾ едва не ежедневно шли пиры да потѣхи.

У двора князя Челяднина, будто недѣльщики у татейной ямы ³²⁾ день и ночь ходили какіе-то люди. Походятъ и уйдутъ, а смотришь — на смѣну приходятъ другіе. И думали княжіе сосѣди, что это не къ добру...

Такъ прошло время и насталъ канунъ великаго праздника Рождества Христова — сочельникъ. Тихій миновалъ день, тихій опустился и вечеръ надъ Москвой. Вызвѣздило, будто кто блески золотыя безъ счета раскидалъ по темному бархату неба. По улицамъ мало было народу: всѣ сидѣли по домамъ и готовились встрѣтить великій день Божьяго пришествія на землю. Темныя и тихія стояли высокія избы и хоромы; и чуть виднѣлись ихъ острые кровельные верхи. Въ слюдяныхъ окончинахъ ³³⁾ съ мелкимъ переплетомъ слабо свѣтили лампадные огни.

На крутомъ заворотѣ кривой улицы близъ хоромъ князя Данилы Ивановича Челяднина показалась и задвигалась темная полоса... И казалось, не было ей

конца-краю... Едва отличались въ ночной тьмѣ кони съ санями и вершныя³⁴⁾. За ними огромная ватага людей шла сплошнымъ темнымъ хвостомъ, а въ ней тяжело переваливались на четверенькахъ темныя кучи медвѣдей. И ни выкрика, ни слова... Развѣ гдѣ пролезаетъ желѣзо цѣпи да фыркнетъ испуганный конь.

Въ долгихъ саняхъ, крытыхъ алымъ сукномъ, сидѣлъ царь Иванъ, кутаясь въ чернолисю теплую шубу. Холодно Грозному, но не отъ мороза: чудится ему, что со стороны у саней идетъ старъ-человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, идетъ, наклоняется къ нему и шепчетъ: «престани³⁵⁾ отъ лютости твоя, Иване! Тебѣ говорю—престани!».

— Кто еси, старче?—спрашиваетъ царь.

Но нѣтъ отвѣта, а ѣдущіе рядомъ опричники дивятся, что государь бесѣдуетъ незнамо съ кѣмъ.

И опять слышитъ онъ тихій голосъ: «престани, Иване! Не испытай безъ мѣры милосердія Божія»...

— Кто тутъ?—въ испугѣ вскрикиваетъ царь.

— Твои холопи, великій государь! — слышитъ онъ голосъ Вяземскаго.

Но вотъ царскія сани и всадники поравнялись съ Челяднинскимъ дворомъ. «Много добра у князя Данилы», — думаетъ Иванъ Васильевичъ, а со стороны опять шопотъ: «престани, престани»...

Словно сами собой распахнулись тесовыя ворота, и вся ватага съ вершниками впереди стала вваливаться во дворъ. У крыльца остановились царскія сани. Спѣшили опричники и бояре, сгрудились около царя. Вотъ подъ руки ведутъ его по крылечнымъ ступенямъ, а у самихъ въ рукахъ у кого ножъ, у кого топоръ... Смутный говоръ пробѣгаетъ въ толпѣ и врывается въ святую тишину. Раскрыта окованная дверь—просторныя сѣни палатъ, а тамъ видна «крестовая»: желтыя

свѣчи рядами горятъ въ паникадильцахъ передъ иконами, а ярче всѣхъ передъ праздничной Рождества Христова. И чудное дѣло! Царь смотритъ—и не вѣритъ своимъ зоркимъ очамъ: невѣдомый старецъ, что всю дорогу шепталъ ему на ухо смутныя угрозы, ужъ здѣсь. Онъ стоитъ лицомъ къ нему, маленькій и тощій, съ косицами бѣлыхъ волосъ на головѣ и бородѣ, въ сіяющей серебротканной одеждѣ, и манитъ его къ себѣ. А за нимъ князь Данило Ивановичъ съ малымъ внукомъ на рукахъ. И радуется безвинный младенецъ невиданному сборищу, смѣется... Тѣшитъ его золотая парча царской одежды, радуютъ сверкающіе камни на околѣ его шапки...

Позади, въ сѣняхъ, тяжело затопали, застучали когтями грузныя звѣри. Иванъ Васильевичъ обернулся и махнулъ рукой. Въ одинъ мигъ все стихло, а потомъ отхлынуло назадъ, на крыльцо, а тамъ и на дворъ. Въ палатахъ остались только опричники и ближніе люди.

И вдругъ у Крестовой, вмѣсто скоморошьей коледы, раздалась радостная рождественская пѣснь. «Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ»..., слабый и дрожащій запѣлъ старческій голосъ. «И земля вертепъ» Неприступному приносить» — слился съ нимъ голосъ царя, подстали опричники и бояре... И полились чудныя слова торжественнымъ могучимъ хоромъ передъ иконой Рождества Христова.

Суббота Осетръ выскочилъ изъ хоромъ позади поводырей и медвѣдей и остановился на дворѣ. Звѣри сбились вмѣстѣ и обратили свои страшныя морды къ востоку... А сзади, въ палатахъ, стройно раздавался хоръ царскаго славленья. И вдругъ Суббота увидѣлъ, что медвѣди разомъ уткнулись въ снѣгъ головами, будто творя земныя поклоны... Въ великомъ страхѣ скоморохъ упалъ на колѣни...